

Андреас
Буллер

Тема СМЕРТИ

в философии,
истории
и литературе

Андреас Буллер

Тема смерти в философии, истории и литературе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49867578

Тема смерти в философии, истории и литературе:

ISBN 978-5-907189-24-9

Аннотация

Андреас Буллер (Dr. Phil. Andreas Buller) неразрывно связан как с немецкой, так и русской культурой. Родился в 1961 году и вырос в СССР. С 1990 года проживает в Германии. Исследуемая автором тематика охватывают собой теорию исторического познания, а также проблемы практической философии. К его наиболее известным работам, кроме изданного для российских вузов учебного пособия «Введение в теорию истории», принадлежит и исследование «Теория и история понятия „след“» (2016 года). В 2018 году автор опубликовал в издательстве «Наука» монографию «В. С. Соловьев и современность», в которой особое внимание уделил «философии чувств» Владимира Соловьева.

В оформлении обложки использована фреска в палаццо Склафани, Палермо (XV в.) из серии «Триумф смерти».

Содержание

Смерть: лабиринты мысли	4
Введение	9
1	16
2	26
2.1. Междисциплинарные дифференции в подходе к проблеме смерти	26
2.2. Традиция смерти в гуманитарных науках	32
2.3. Тема смерти в искусстве и литературе	39
3	49
4	69
4.1. Смерть в христианской религии	71
4.1.1. Аврелий Августин	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Буллер А.

Тема смерти в философии, истории и литературе

Смерть: лабиринты мысли

Сложно писать предисловие к увлекательной книге. Еще сложнее писать предисловие к увлекательной книге, написанной о смерти. Однако, что же делает эту книгу о смерти увлекательной? Автор не стремится написать еще один большой научный труд, претендующий на окончательное решение вопроса о смерти. Размышления о смерти – это не прямая дорога, а извилистый путь лабиринтов мысли, схватывающих и теряющих смерть как предмет своей рефлексии. Именно в этом состоит важнейшее значение книги, которую в своих руках держит читатель.

Движение в лабиринте всегда является соприкосновением с тайной, загадкой, неизвестностью. Лабиринт исключает горизонт восприятия. Вернее, здесь нет точной уверенности, а главным помощником оказывается осмотрительность. В лабиринте могут оказаться бесполезными опыт, знания и социальный статус. Движение в лабиринте – это всегда глубоко персональный акт. Метафора лабиринта как нельзя лучше

характеризует книгу Dr. Phil. Андреаса Буллера, открытую взору уважаемого читателя. Книга представляет собой исследование различных опытов смерти в человеческой культуре. Именно опыты смерти в мифологии, религии, искусстве, литературе, в естественных и гуманитарных науках и, наконец, в философии последовательно раскрываются автором. Однако, что такое опыт? Вряд ли нам поможет здесь определение опыта как совокупность накопленных человеком практических и теоретических знаний. Именно они могут оказаться бесполезными в лабиринте. Наверное, один из самых лучших ответов мы находим в книге голландского ученого Франка Рудольфа Анкерсмита, который рассуждая об историческом опыте пишет. Исторический опыт – это то, что всегда «со мной» и не поддается теоретической экспликации, но как повседневный фон присутствует при обращении к прошлому и изменениям во времени. По мнению Ф. Анкерсмита, в историческом опыте, считает он, человек испытывает радикальную странность (жуткость) прошлого; здесь оно не конструкт рассудка, а реальность, которая обнаруживается в опыте с той её прямоотой, как это свойственно возвышенному. «...он, скорее онтологичен, чем эпистемологичен, и потому должен определяться скорее через то, что вы суть, чем через то, что вы знаете, каким знанием обладаете. Возвышенный опыт – и исторический опыт – не предназначен для утоления нашей жажды знания. Он вообще не служит никакой цели, хотя его проявления могут иметь значе-

ние для человека, обладающего опытом <...> Человек обычно меняется благодаря опыту – а это только усиливает утверждение, что в ситуации возвышенного опыта нет никакого постоянного субъекта опыта»¹.

Человеческая мысль о смерти, воплощенная в многочисленных формах культурного отношения к ней (мифы, религия, наука, философия, литература, искусство) предстает в книге как набор опытов. Автор и не претендует на раскрытие темы связи этих представлений между собой. Конечно, придирчивый читатель может указать нам на то, что они фундированы культурой в целом и в той или иной степени отражают коллективные представления. Соглашаясь с такой постановкой вопроса, тем не менее отметим, что за культурой всегда стоит конкретный человек и его конкретный, персональный опыт отношения к смерти. Именно поэтому вряд ли представления о смерти в разных формах культуры могут быть полностью синхронизированы и упорядочены. Перед нами снова лабиринт. Персональность опыта отношения к смерти означает что у этого опыта свое время и пространство, свое отношение к тому что считать бытием, а что считать небытием. Именно поэтому схватить различные опыты смерти мы можем только двигаясь из разных точек человеческой культуры. Здесь также стоит на время забыть и об эволюции и тем более об идее прогресса. Здесь прежде жив-

---

¹ Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 314.

шие поколения людей могут сказать нам не меньше, чем наши современники.

Однако, опыт смерти – это не только опыт самой смерти. Это еще и отношение к смерти как к процессу постепенно-го умирания, воплощенного в старении, болезнях, утратах. Не только смерти учат анализируемые автором мифологические и религиозные представления, произведения искусства и философские трактаты. Все они являются еще и рефлексией об умирании, подготовке человека к финальному событию его жизни. С этой точки зрения культурная история смерти является своеобразной культурной историей умирания.

Смерть появляется в книге в еще одном необычном ракурсе. Смерть для автора книги является не только набором представлений, она анализируется как «участник» исторического процесса. И здесь мы видим смерть как фактор, оказывающий влияние на конструирование самой социальной реальности, мы видим практики смерти в истории как одну важнейшую часть социальной жизни. Наконец, мы видим смерть как источник знаний о прошлом. В этом ключе книга Андреаса Буллера – это не только краткий очерк о культурной истории смерти, но и попытка показать смерть как условие философских размышлений об истории и историческом сознании сегодня.

Нельзя сказать, что книга Андреаса Буллера написана им только о смерти. Каждая строчка книги отсылает к жизни

и в завершении автор еще раз говорит нам, что осознавая неизбежность своего конца, человек не должен забывать о том, что его жизнь есть нечто большее, чем простое ожидание смерти. Лабиринты рассуждений о смерти запутанны и полны разочарований. Однако, разгадывает эти лабиринты живой и мыслящий человек.

Андрей Линченко, Лондон, апрель 2019 г.

Введение

Философию, как правило, считают абстрактной наукой, для которой не всегда можно найти практическое применение в повседневной жизни. Но во время Первой мировой войны немецким фронтовым солдатам в окопах раздавался чисто философский текст, а, конкретно, изданная отдельной брошюрой 41 глава «О смерти и её отношении к неразрушимости нашего существа» («Über den Tod und sein Verhältniß zur Unzerstörbarkeit unseres wesens an sich») известной книги немецкого философа *Артура Шопенгауэра* «Мир как воля и представление» («Welt als Wille und Vorstellung»). На фронте смерть перестаёт быть далёкой и абстрактной идеей, а становится близкой и реально ощущаемой. У оказавшегося перед лицом смерти солдата появляется острая потребность обратиться к теме смерти, перед которой блекнут и теряют своё значение все другие философские мысли и идеи. Замечу, что вышеупомянутая глава из шопенгауэровской книги неоднократно переиздавалась отдельными изданиями, потому что никакой другой философ, кроме *Шопенгауэра*, не анализировал тему смерти с такой ясностью и доступностью и в тоже время с необычайной глубиной и основательностью. Но *Шопенгауэру* посвящена в данной книге целая глава. Поэтому я пока оставляю его в стороне.

Вышеназванный пример свидетельствует о том, что для

человека тема смерти становится *жизненно* важной и остро актуальной именно в критических ситуациях – на фронте, в больничной палате или же в доме престарелых. Здоровые и не обременённые тяготами жизни люди, как правило, не ищут ответа на вопрос – почему смерть? Они живут своей обычной – бурной и активной или же спокойной и размеренной – жизнью, которую они не желают омрачать мыслями о её конце. Для людей здоровых, энергичных и оптимистичных «размышления о смерти» являются лишь *теоретической*, но не *жизненной* необходимостью. Однако иногда и эти, находящиеся в самом центре бурного потока жизни, энергичные и оптимистичные люди на мгновение останавливаются, задавая себе вопрос: «Для чего? Для чего жизнь и почему смерть?». Данная книга обращается именно к этому вопросу.

Надо сказать, что впервые вопрос о смерти человек ставит, как правило, уже в детском возрасте. Но ребёнок не в состоянии самостоятельно найти ответ на этот вопрос и потому он часто обращается за помощью к взрослым, которые, как уже упоминалось выше, чаще всего живут своей обычной – бурной и активной или же спокойной и размеренной – жизнью, не задумываясь о смерти. Проблема, однако, заключается в том, что даже если человек и задумается о смерти, то это вовсе не означает, что он её немедленно сможет объяснить, познать и понять. Замечательный мыслитель и крупный специалист по теме смерти французский философ

Владимир Янкелевич (Vladimir Jankélévitch) принципиально считал, что человек не в состоянии познать смерть, потому что она является непознаваемой. Невозможно познать то, что познать невозможно, утверждал *Янкелевич*. Этим своим утверждением он, надо сказать, перечёркивает и все наши планы, а вместе с ними и надежды на то, что мы когда-то сможем понять и познать смерть. Ведь если смерть непознаваема, то тогда для чего человеку исследовать её? С другой стороны, для чего сам *Янкелевич* написал свою довольно объёмную работу о смерти? Только для того, чтобы доказать, что она непознаваема? Пока мы не получим ответы на эти вопросы, нам даже не стоит углубляться в тематику смерти.

Несмотря на то, что смерть, как утверждает *Янкелевич*, непознаваема, люди тем не менее на протяжении всей своей сознательной истории стремились исследовать, понять и описать её, используя при этом самые различные методы, как, например, мифологический, религиозный, философский, антропологический, исторический, психологический, медицинский или биологический. Кроме того, человек с древности описывал смерть средствами литературы и искусства, которые открыли ему эмоциональную перспективу её восприятия. Смерть нашла своё отражение как в звуке, так и в цвете. Древнейшие культуры (Месопотамия и Древний Египет) имели свои траурные гимны и песнопения, которые сопровождали умершего в «иной» мир. Кроме того, символами траура у различных народов становились самые

различные цвета – чёрный, красный или белый. Невидимая смерть, таким образом, приобретала как музыкальный, так и визуальный характер.

Благодаря накопленным в течение многих тысячелетий знаниям, символам, традициям и ритуалам смерти человек смог создать необычайно богатую, разнообразную и многогранную «культуру смерти», которая, однако, не смогла заставить *Янкелевича* изменить своё мнение о том, что смерть является принципиально непознаваемой. Но не противоречит ли *Янкелевич* в этом случае самому себе? Ведь, прежде чем прийти к выводу, что «нечто» является непознаваемым, необходимо это «нечто» в какой-то степени познать или понять? Также вывод о непознаваемости смерти не смог бы возникнуть на пустом месте, а он, без всякого сомнения, является результатом довольно сложного и длительного познавательного процесса, в ходе которого человек пришёл к выводу, что я не являюсь причиной своего рождения, а это значит, что я не могу быть и причиной своей смерти. Однако именно в этой, неизвестной для меня, первопричине скрыт ответ на вопрос – «для чего жизнь и почему смерть?».

Читателю, думаю, постепенно становится ясно, что для того, чтобы дать ответ на такой сложный вопрос – «почему смерть?» – , ему необходимо выйти за границы одной только проблемы смерти, обратившись к теме жизни, ибо смерть является лишь «другой стороной жизни». Человеческая жизнь, может не включать в себя какие-то события, но события рож-

дения и смерти она вынуждена включать в себя с необходимостью, ибо речь здесь идёт о таких «событиях», которые никакая жизнь не в состоянии избежать.

Но почему тогда человек, размышляя о конце своей жизни, не задумывается о её начале? Ведь, невозможно найти причину «конца» жизни, не зная причин её «начала». Поиск одних только причин «конца» жизни при полном игнорировании причин «начала», является, по моему мнению, типичной методологической ошибкой, которую часто повторяют рефлектирующие о смерти люди, которые не желают видеть в рождении и смерти взаимосвязанные события. Причина этой «ошибки» лежит в самой человеческой природе, которая *позитивно* воспринимает акт рождения новой жизни, однако, *негативно* относится к факту её неизбежного конца. Человека во все времена более всего интересовало не его «законченное» прошлое, а его «открытое» будущее, которое открывало ему перспективы и будило в нём надежды. Прошлое интересовало человека настолько, насколько оно могло быть полезным для его будущего (вспомним здесь работу Ницше «О пользе и вреде истории для жизни»). Именно такой – типично *человеческий* – подход характерен и для проблемы смерти. Если смерть не открывает человеку никакой перспективы, а она, за исключением религиозного человека действительно не открывает ему никакой перспективы, то она его не интересует.

Существуют и другие, не зависящие от человека, прегра-

ды, которые препятствуют познанию смерти. Одной из таких преград является временная ограниченность человеческой жизни. Человек может познать смерть лишь в границах своей жизни (а человечество лишь в границах своего *человеческого* существования). Вне жизни ни человек, ни человечество познать смерть не в состоянии. Отсюда, однако, следует, что также акт познания смерти является «актом жизни». Вне жизни нет и не может быть и смерти.

Все вышеназванные аргументы будят в нас подозрение, что жизнь намеренно ставит на познавательном пути человека различные препоны и преграды, препятствуя таким образом познать себя. Именно такого мнения и придерживается *Янкелевич*, считающий, что смерть, а, точнее, жизнь «мешает» познанию смерти. По этой причине *Янкелевич* считает, что проблема жизни / смерти является прежде всего *эпистемологической* проблемой. Ведь прежде, чем познать жизнь / смерть, нам необходимо идентифицировать те помехи и препоны, которые препятствуют её познанию. Частично мы эти препятствия описали выше:

смерть, во-первых, привлекая внимание человека только на себя, таким образом вынуждает его видеть в ней сингулярное и изолированное явление, которое, якобы, не имеет никакого отношения к акту возникновения / рождения жизни;

смерть, во-вторых, строго ограничивает «познавательное время» человека, жизнь которого имеет свои границы;

смерть, наконец, позволяет человеку познать себя лишь с ограниченной перспективы ТРЕТЬЕГО ЛИЦА или же с позиции *другого*.

Все эти выводы были сделаны *Янкелевичем*. Они настолько важны для нашего анализа проблемы смерти, что именно с них мы и начнём разбор этой сложной темы. Свои аргументы Янкелевич презентует нам в своей знаменитой книге «Смерть», которые впервые была издана в 1977 году во Франции и переведена на русский язык в 1999 году ².

---

² Янкелевич В. Смерть. Москва, 1999. 448 с. (Jankélévitch, Vladimir. La Mort Flammarion, 1977).

1

Владимир Янкелевич О (не)познаваемости смерти

Это звучит парадоксально, однако, познав самые сложные законы природы, сделав грандиозные открытия и гениальные изобретения, человек тем не менее не смог познать причин своей собственной смерти, а это означает и причин своей жизни. Он беспомощно остановился перед этой сложной проблемой. Более того, он практически капитулировал перед ней. Но почему? Почему человек не смог познать смерть, а вместе с ней и жизнь?

Потому что смерть, как считает *Янкелевич*, принципиально не позволяет себя ни логически обосновать, ни рационально объяснить, одним словом, не позволяет себя познать. Смерть лишена не только логики, но и чувств. Её невозможно назвать ни жестокой, ни доброй, потому что она, по меткому выражению *Артура Шопенгауэра*, равнодушно «косит всё живое». Человек может, конечно, *очеловечить* или *гуманизировать* смерть, но сама по себе она не является ни человеческой, ни гуманной, ибо смерть есть «такой предмет, который уничтожая мыслящее существо, кладёт конец и функционированию мысли. Смерть выступает против сознания

смерти!»³, уверен *Янкелевич*.

Практически на каждой странице своей замечательной книги «Смерть» *Янкелевич* постоянно выделяет и особо подчёркивает тот момент, что смерть недоступна пониманию человека, потому что она «более чем отрицает жизнь, она её уничтожает; она более чем ей противоречит, она её убивает».⁴ По этой причине тот, «кто говорит о смерти, кто пытается философствовать о смерти, осмыслить смерть, – тот ставит самого себя вне всеобщей смертности; делая вид (в интересах решения задачи), как будто смерть его совсем не касается, он быстро забывает об условном „как будто“ ...»⁵

Это замечание *Янкелевича* напрямую адресовано всем нам – тому, кто пишет эту книгу и тем, кто её читает. Но, не позволяя человеку познать себя, смерть в то же время даёт ему возможность рефлексировать о ней! По мнению *Янкелевича*, любая рефлексия о смерти протекает на одном из трёх возможных рефлексивных уровнях – на уровне ПЕРВОГО, ВТОРОГО и ТРЕТЬЕГО лица. Это очень важное высказывание *Янкелевича* и на нём мы остановимся подробнее.

Для того, чтобы понять смерть или же, как говорит *Янкелевич*, «осознать её всерьёз», необходимо «перейти от абстрактного, понятийного знания к реальному событию»⁶,

---

³ Янкелевич В. Указ. соч. С. 400.

⁴ Янкелевич В. Указ. соч. С. 91.

⁵ Янкелевич В. Указ. соч. С. 14.

⁶ Янкелевич В. Указ. соч. С. 19.

сделав «смерть» личным делом, т. е. пережить её с точки зрения ПЕРВОГО ЛИЦА. Но «пережить» себя с точки ПЕРВОГО ЛИЦА смерть никому не позволяет, потому что лично «пережить» смерть никто не может. Ибо там, где наступает смерть, там нет уже человека. Человек может пережить только чужую смерть, но не свою собственную. Если кто-то утверждает, что он «пережил смерть», то это означает, что он лишь удачно избежал её. Тех, кто действительно пережил смерть, среди нас уже нет. Умершие не могут поделиться с нами своим «опытом смерти».

Познать смерть с точки зрения ПЕРВОГО ЛИЦА принципиально невозможно также потому, что познание смерти с этой позиции практически всегда есть «источник тревоги»: «Я загнан в угол. Смерть в первом лице – тайна, которая затрагивает меня глубоко и всецело..., я приближаюсь к ней вплотную и не могу сохранять дистанцию по отношению к проблеме. Решается моё дело!»⁷. В случае со смертью в ПЕРВОМ ЛИЦЕ не может быть и речи о какой-то объективности или нейтральности. Поэтому человек не в состоянии познать её с этой позиции.

С другой стороны, именно восприятие смерти с точки зрения ПЕРВОГО ЛИЦА демонстрирует нам всю бессмысленность страха перед нею, потому что, как это выразил в своей знаменитой и часто цитируемой фразе древнегреческий философ *Эпикур*: «пока мы существуем, смерть еще отсутству-

---

⁷ Янкелевич В. Указ. соч. С. 28.

ет; когда же она приходит, мы уже не существуем»⁸. Человек противостоит смерти, борется с ней и видит в ней ключевую проблему своей жизни, но всё это он делает, пока живёт. С прекращением жизни проблема смерти как таковая для него исчезает. Но пока человек существует, он испытывает глубинный страх перед смертью, которую он воспринимает как «переход» из состояния бытия в состояние не-бытия, хотя последнее, в строгом смысле слова, не является «состоянием», ибо с наступлением смерти индивидуальное бытие заканчивается, а вместе с ним заканчиваются и исчезают те страхи и страдания, которые его сопровождали. «Вне жизни» ничего нет – нет ни страхов, ни страданий. Но, пока человек существует, он испытывает панический, инстинктивный и глубинный страх, который оказывает своё (не)замечное влияние на все его мысли, дела и поступки, на что очень точно указал Мартин Хайдеггер (Martin Heidegger). Этот страх является сопутствующим элементом человеческого существования. Познать и объяснить этот глубинный и бессознательный страх человеку совершенно не просто, ибо познать и объяснить страх он может, лишь не имея его. Однако, потеряв страх, человек теряет вместе с ним и необходимость познавать его.

Именно позиция восприятия смерти с точки зрения ТРЕ-

---

⁸ Цитируется по немецкому изданию Эпикура: Epikur: Wege zum Glück. Herausgegeben und übersetzt von Rainer Nickel. Düsseldorf/Zürich: Artemis & Winkler, 2005, S. 117.

ТБЕГО ЛИЦА открывает человеку уникальную возможность, испытывая страх смерти, попытаться игнорировать его и таким образом описать смерть «на дистанции». Но насколько достоверны все эти описания смерти с позиции ТРЕТЬЕГО ЛИЦА? Ведь с этой позиции человек описывает «чужие» состояния и ощущения, которые он может только предполагать, но которые он, однако, не в состоянии лично испытать. Ведь в тот момент, когда переживание смерти становится моим личным испытанием, оно уже не поддаётся «моему» описанию.

Ещё сложнее обстоит дело с такой смертью, которая воспринимается с точки зрения ВТОРОГО ЛИЦА, когда, по меткому выражению *Янкелевича*, «неутешный оплакивает незаменимого»⁹. Ведь в этом случае речь идёт о смерти близкого человека. *Янкелевич* называет эту ситуацию – «промежуточным и в некоторой степени даже привилегированным событием»¹⁰. «Промежуточным» это событие является потому, что чужая смерть есть жесткое и бескомпромиссное напоминание о неизбежности моей собственной смерти, а «привилегированным» оно является потому, что смерть в этом случае, настигнув другого человека, обошла, к счастью, меня стороной. Именно этот момент описывает *Толстой* в своей знаменитой повести «Смерть Ивана Ильича», характеризуя очень точно реакцию окружения на событие другой /

---

⁹ Янкелевич В. Указ. соч. С. 31.

¹⁰ Там же.

чужой смерти: «самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я»¹¹.

Наше отношение к смерти является, таким образом, двойственным и противоречивым. «На смерть мы смотрим с позиции наблюдателя, но, с другой стороны, мы погружены в нее, как в судьбу, не имеющую никакой перспективы»¹², констатирует *Янкелевич*. Непрерывное выхватывание смертью людей из человеческого сообщества, создаёт в нём такую ситуацию, в которой «для меня нет реально моей смерти, а точнее: я умираю только для других и никогда – для меня самого, и, в свою очередь, только я знаю смерть другого, которой не знает он сам»¹³.

Смерть всегда приближается к нам вначале «через других», вызывая таким образом у нас необъяснимую тревогу и страх. Но, напоминая и заявляя о себе, смерть в то же время не позволяет человеку «ухватить», познать и объяснить себя. Реально смерть, считает *Янкелевич*, существует лишь для других. Для моего «Я» её быть не может, потому что моё «Я» исчезает одновременно с приходом смерти. А это значит, что смерть для меня остаётся принципиально непознаваемой.

Но *Янкелевич* не останавливается на этом своём тезисе, а

---

¹¹ Толстой Лев. Смерть Ивана Ильича (1886 г). URL: <http://ilibrary.ru/text/7/p.1/index.html> (дата обращения: 07.12.2017).

¹² Янкелевич В. Указ. соч. С. 409.

¹³ Янкелевич В. Указ. соч. С. 34.

он идёт дальше, исключая не только возможность познания смерти, но и возможность мысли о ней. Потому что мысль о смерти, как он говорит, есть «мысль о ничто». А «„мысль“ о ничто – это ничто мысли, небытие объекта, уничтожающее субъект: как невозможно видеть отсутствие, так же нельзя помыслить ничто; таким образом, мыслить вообще ничто – значит не мыслить ни о чем, то есть не мыслить»¹⁴.

Рассуждая о смерти, мы, таким образом, ходим вокруг и около её дома, не в состоянии проникнуть в него, а, проникнув в него, мы уже не в состоянии сказать людям, что мы увидели и испытали в нём. Смерть остаётся для нас закрытым и недоступным феноменом. *Янкелевич* приходит к выводу:

«Нет, момент наступления смерти никак не может быть ни объектом познания, ни материалом для умозрительных рассуждений; молниеносная одновременность, т. е. одновременность, длящаяся одно мгновение и в конечном итоге сводящаяся к нулю, вовсе не переживается как психологический и сознательный опыт, ведь всякое сознание либо опережает реальность, либо отстает от нее; мгновенный удар смерти ни в коем случае нельзя считать вещью; ведь если бы он был „чем-то“, то его можно было бы увидеть или передать словами, но тогда бы он уже не

---

¹⁴ Янкелевич В. Указ. соч. С. 41.

был мгновенным»¹⁵.

То, что невозможно познать, познать невозможно, убежден Янкелевич. С другой стороны, именно отсутствие ответа на главный вопрос человеческой жизни заставило человека заняться размышлениями о смерти. Потому что там, где имеются готовые ответы, там нет и необходимости заниматься поиском. Но на вопрос «что такое смерть?» у человека готового ответа нет.

С другой стороны, мы, как я уже упоминал выше, имеем чрезвычайно богатую и многогранную традицию исследования смерти, которая создавалась человечеством на протяжении многих тысячелетий. Эта традиция включает в себя как открытия естественных, так и гуманитарных наук, а также многочисленные произведения литературы и искусства. Все эти достижения человеческой мысли образуют, в их совокупности, оригинальную и неповторимую культурную традицию смерти, которая включает в себя знания самых различных наук – философии, антропологии, истории, археологии, этнографии, социологии, биологии, психологии, медицины. Важную роль в познании смерти, в чём мы скоро убедимся, сыграли также мифология и религия. Но надо признать, что самое мощное, возможно, даже шокирующее влияние на человека оказывает, как правило, личный контакт со смертью, в который человек вынужден вступать, прощаясь со своими близкими или друзьями. Именно этот личный

---

¹⁵ Янкелевич В. Указ. соч. С. 211.

«опыт смерти» не в состоянии заменить ни книги, ни лекции, ни фильмы, ни археологические или музейные экспонаты, ни произведения искусства.

Мы уже убедились в том, что человек не только вступает в личный контакт со смертью, но и познаёт её уже на протяжении тысячелетий с помощью самых различных методов, наук и дисциплин. В результате этой долгой и кропотливой познавательной работы человеку удалось создать неповторимую и многогранную культуру смерти. Надо сказать, что эта культура настолько богата и разнообразна, что никакой исследователь-одиночка не в состоянии изложить и описать её всесторонне – одной человеческой жизни на это просто не хватит. Но я тем не менее посчитал необходимым предоставить читателю краткий очерк культурной истории смерти, который позволил бы ему, хотя и поверхностно, но прикоснуться к различным граням и аспектам этой сложной темы.

«Триумф смерти» – картина Питера Брейгеля Старшего, написанная около 1562 года

2

Краткий очерк культурной истории смерти

2.1. Междисциплинарные дифференции в подходе к проблеме смерти

Культурную традицию смерти мы можем разделить на три большие и относительно независимые сферы – (1) тема смерти в естественных науках, (2) гуманитарная традиция смерти, (3) смерть в литературе и искусстве. Вначале я, однако, хотел бы обратиться к вопросу о том, каким образом традиция смерти, вообще, как таковая стала возможной? Чтобы дать всеобъемлющий ответ на этот вопрос, необходимо, по моему мнению, обратиться к проблеме отношения материального (природного) и идеального (духовного) в человеке.

Человек, как и все другие живые существа, обладает живым организмом, функционирование которого, разумеется, подчиняется биологическим законам. Как существо разумное, человек, однако, следует не только биологическим, но и нравственным законам, т. е. он следует не только потреб-

ностям своего тела, но и рекомендациям своего разума или же своему интеллекту, который я обозначу здесь одним коротким словом – «Я». Человеческое «Я» не в состоянии существовать вне своего организма. «Я» заявляет о себе впервые в момент рождения и в последний раз оно напоминает о себе в момент смерти «своего» организма. «Я» неразрывно связано со своим организмом и тем не менее оно не тождественно ему, ибо способно вставать наперекор желаниям и наклонностям своего организма, решительно противодействуя им. Благодаря «Я», существование человека является не только биологическим, но и духовным существованием. При этом, как биологическое, так и духовное существование человека протекает на индивидуально-универсальном уровне. Но что мы понимаем под этим двойным понятием?

Несмотря на то, что существование всех живых организмов основывается на универсальных биологических законах, каждый организм имеет свою собственную индивидуальную жизнь, которую он должен прожить «сам». Каждый организм должен пройти все, запрограммированные в нём, универсальные фазы биологического развития и умереть. Каждый организм умирает «сам», а не за *кого-то*. Это означает, что жизнь живого организма протекает как на универсальном, так и индивидуальном уровне.

Но также духовная жизнь человека является жизнью как универсальной, так и индивидуальной. Человек использует не только идентичные «инструменты» познания мира, но и

опирается на идентичные познавательные структуры, изучением которых занимались такие величайшие мыслители как *Эммануил Кант (Immanuel Kant)*, *Вильгельм фон Гумбольдт (Wilhelm von Humboldt)* или *Людвиг Витгенштейн (Ludwig Wittgenstein)*, которые исследовали законы функционирования человеческого разума или человеческого языка. В то же время духовный мир любого человека является миром индивидуальным и неповторимым. Любое человеческое «Я» живёт в своём индивидуальном и неповторимом духовном мире, осознавая при этом свою преходящность и смертность. Осознать свою смертность может только существо природное и разумное. Сознание смерти возможно лишь при наличии этих двух предпосылок – а) биологического существования и б) рефлектирующего сознания.

Не обладающие разумом животные не в состоянии «осознать» факт своей смертности или преходящести, а тем более – сознательно отнестись к нему. Также существа божественные (если таковые, конечно, существуют) не чувствуют необходимости осознать смерть, ибо бессмертные создания в этом не нуждаются. А вот человек, являясь существом как преходящим, так и разумным настоятельно нуждается в познании и объяснении своей смертности. Поэтому он на протяжении всей своей истории предпринимал бесконечные попытки познать, понять и объяснить феномен смерти. Благодаря его стремлению мы имеем сегодня оригинальную и неповторимую культуру смерти, начало которой лежит в

древних мифах и верованиях. Последние стремились объяснить причины не только «начала», но и «конца» мира. Именно мифология дала толчок развитию как философских, так и религиозных знаний о смерти, которые в начальный период своего развития не позволяли чётко отделить себя друг от друга. В древнейших культурах зародились первые элементы естественных знаний о смерти, которые человек приобрёл в своей практической деятельности и прежде всего благодаря развитию искусства исцеления (лат. *medicina*), а также искусству бальзамирования.

Что интересно, уже в древнейших культурах мы констатируем самые различные подходы к теме смерти. Проблема смерти, с одной стороны, исследуется в мифологии, религии и философии, а также изображается в искусстве. С другой стороны, она оказывается в центре внимания древнейшего естествознания, которое объединяло в себе физику, химию и биологию. Уже в древнейших цивилизациях мы наблюдаем междисциплинарный подход к проблеме смерти, которая освещалась как с точки зрения гуманитарных, так и естественных наук. С тех пор в исследовании смерти мало что изменилось.

Современные естественные науки видят свою главную задачу в том, чтобы исследовать процессы организации жизни на молекулярном, клеточном, органном и организменном уровне. С точки зрения естественных наук смерть человека не отличается принципиально от смерти животного. С гене-

тической или физиологической точки зрения она, действительно, не отличается от смерти животного, но, в отличие от животного, человек относится *сознательно* к своей смерти. Более того, он готовится к ней. Кроме того, гуманитарные науки воспринимают смерть не только в биологическом или медицинском, но и в социальном и историческом контексте. По этой причине с точки зрения гуманитарных наук смерть имеет не только биологические, но и социальные причины, как, например, голод, эпидемии, войны, геноцид или убийства. Социальные и политические причины, однако, никак не интересуют естественные науки. Кроме того, естественные науки никогда не ставили и не будут ставить философского вопроса о смысле человеческой жизни / смерти, они не обращались и не будут обращаться к проблеме «бессмертной души», а также к проблеме «жизни после смерти». Однако для философии и религии именно эти проблемы являются центральными и даже ключевыми исследовательскими темами.

Но как можно объяснить эти, надо признать, довольно радикальные дифференции в подходе к проблеме смерти между естественными и гуманитарными науками? Главная причина вышеупомянутых различий в подходе к проблеме смерти лежит, по моему мнению, в одном простом факте: если объектом исследования естественных наук является человеческий организм, то объектом исследования гуманитарных наук – духовный мир человека, а, точнее, его индивиду-

ально-универсальное «Я», которое мы анализировали выше. Индивидуальность этого *универсального* «Я» проявляет себя в том, что любая духовная традиция человечества включает в себя конкретные имена, труды и работы. В тоже время любая человеческая традиция позволяет презентовать себя как универсальная традиция, т. е. описывать себя без упоминания конкретных имен, что ярко проявляет себя, например, в описании общих понятий. В развитие этих понятий свой вклад внесли, возможно, сотни выдающихся личностей, но мы, употребляя эти понятия, отказываемся от упоминания тех имён, которые определили их развитие. После того как мы назвали основные различия в описании смерти между естественными и гуманитарными науками, обратимся к исследованию одной только гуманитарной традиции смерти.

2.2. Традиция смерти в гуманитарных науках

Своё описание гуманитарной традиции смерти я начну с исторической науки, которая свои первые знания о древнейших культурах и цивилизациях почерпнула, прежде всего, из дошедших до нас древнейших могил и захоронений. Большую помощь в этом ей оказала, конечно, археология. Некоторые археологи и историки по праву утверждают, что сознательная история человека началась в тот момент, когда он начал хоронить умерших. Самые древние захоронения, как нам сообщают справочники и энциклопедии, были обнаружены на территории нынешнего Израиля. Датируются они периодом ок. 120 000 лет.

Но своего расцвета «культура смерти» достигла в древнейших человеческих цивилизациях, которые оставили нам самые разнообразные «следы смерти». К этим «следам» относятся как материальные захоронения, так и устные или письменные предания. Древнейшим письменным источником по истории смерти является т. н. «Книга мёртвых», различные варианты которой образуют древнетибетская (буддийский текст «Бардо Тодол»), древнеиндийская (к ней относится часть Вед – священных писаний индуизма «Атхарваведа») и, конечно, древнеегипетская «Книга мёртвых». Последняя представляет собой собрание мифов, молитв, за-

клинаний, погребальных сказаний, традиций и обычаев, которое создавалось практически на протяжении последних 5 тысячелетий.

В древнеегипетском обществе культ смерти, надо сказать, играл особую роль. В этом обществе практически не имелось такой сферы жизни, которая каким-либо образом не была бы связана с темой смерти. Последняя присутствовала в архитектуре (древнеегипетские пирамиды и захоронения), в ремесле (бальзамирование и мумифицирование умерших, изготовление саркофагов), в торговле (продажа ритуальных услуг), в религии и мифологии (древнеегипетские священные тексты), в живописи и искусстве (фрески, изображения). Строящие величественные пирамиды архитекторы, украшающие их надписями и изображениями писари и художники, изготавливающие саркофаги и бальзамирующие тела мёртвых мастера даже не подозревали о том, что они делают свою работу не только для загробной жизни умершего человека, но и для будущих историков и археологов, которые на основе дошедших до нас захоронений получают широкий доступ к познанию самых различных сфер жизни древнего общества и смогут реконструировать основные моменты его истории.

Но вот парадокс! Хотя археологи в прямом смысле слова всё своё время проводили и проводят в древних могилах и захоронениях, они долгое время не рефлексировали о смерти как таковой. Надо признать, что по сравнению с теологами и философами, археологи и историки с большим опозданием

обратились к проблеме смерти. Первые теоретические работы по истории смерти были опубликованы ими лишь в 1970-е гг. Я имею в виду здесь прежде всего работы французского историка *Филиппа Арьеса*¹⁶. С этого момента поток исследований по истории смерти стал постепенно расти и набирать силу. В наше время исторические труды в области истории смерти издаются практически непрерывно.

Российская историография обратилась к исследованию смерти лишь после того, как она окончательно освободила себя от марксистской идеологии, для которой эта тема, надо признать, не являлась важной или ключевой проблемой исторической науки. Тем не менее интерес к теме смерти имелся уже и у советских историков, о чём свидетельствует появившаяся сразу после развала СССР книга известного медиевиста Ю. Л. Бессмертного «Жизнь и смерть в средние века»¹⁷. Приблизительно тогда же в Санкт Петербурге был основан альманах «Фигуры Танатоса», который объединил специалистов самых различных областей¹⁸, а с 2015 года в

---

¹⁶ Ariés, Philippe. Essais sur l'histoire de la mort en Occident: du Moyen Âge à nos jours, Seuil 1975 (переводы: Ariés, Philippe. Studien zur Geschichte des Todes im Abendland. München 1986 // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс – Прогресс-Академия, 1992). Я буду в дальнейшем цитировать немецкую версию этой книги.

¹⁷ Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М.: Наука, 1991. 240 с.

¹⁸ Более подробная информация здесь: <http://anthropology.ru/ru/periodical/almanah-figury-tanatos>

Москве стал издаваться журнал «Археология русской смерти»¹⁹.

Совершенно по-другому дело обстоит с философией, которая, в отличие от исторической науки, практически изначально занялась рефлексией о смерти, хотя философы, надо признать, чаще всего стремились познать смысл жизни, а не смерти. Но, обращаясь к своей центральной теме, какой является проблема смысла жизни, философия никак не могла обойти стороной и тему смерти. По этой причине тема смерти заняла важное место в философской рефлексии уже древнегреческих мыслителей, таких, например, как *Сократ*, *Платон* или *Эпикур*. Ещё более важную роль эта тема играла в мифологии и религии. Можно без всякого преувеличения сказать, что если бы человек был бессмертен, то он тогда не нуждался бы в религии, которая, по сути, является «человеческим ответом» на проблему смерти.

В то же время тема смерти, как это ни парадоксально звучит, образует фундаменты также атеистического мировоззрения, которое тоже имеет довольно богатую историю, берущую своё начало с античных мыслителей (напр., *Эпикур*) и которая позже нашла своё продолжение в работах таких выдающихся философов эпохи Возрождения и Нового времени как *Фрэнсис Бэкон* (*Francis Bacon*), *Готхольд Лессинг* (*Gotthold Ephraim Lessing*), *Людвиг Фейербах* (*Ludwig Andreas von Feuerbach*), *Артур Шопенгауэр* (*Arthur Schopenhauer*)

---

¹⁹ См. Археология русской смерти. URL: <http://deathanddying.ru/>

и *Карл Маркс (Karl Marx)*. Цель атеистической концепции смерти лежала, по существу, в том, чтобы продемонстрировать несостоятельность её религиозной интерпретации. Но именно потому, что обе – как религиозная, так и атеистическая – концепции смерти принципиально противоречат друг другу, они неразрывно связаны друг с другом. Религиозная и атеистическая концепции смерти, как и все другие «противоположности», не могут обойтись друг без друга. По этой причине в данной работе эти две противоречащие друг другу концепции исследуются в одной взаимосвязи и в рамках одной и той же главы.

В XX столетии процесс изучения смерти всё чётче стал приобретать междисциплинарный характер. Наряду с теологами, археологами, философами и медиками к исследованию феномена смерти стали привлекаться психологи, биологи, социологи и этнографы. Однако из всех вышеперечисленных дисциплин одна только философия была в состоянии связать вопрос о смерти с вопросом о смысле жизни, т. е. рассматривать два этих вопроса в одной логической взаимосвязи. По этой причине самыми популярными трудами о смерти в XX столетии стали именно философские труды, среди которых особо выделяются работы *Мартина Хайдеггера* и уже неоднократно упоминаемого нами выше французского философа *Владимира Янкелевича*.

Но настоящего прорыва в исследовании темы смерти не удалось, надо признать, достигнуть и философии. Тем бо-

лее, что количество посвящённых этой теме работ, как считает современный немецкий исследователь смерти *Хектор Виттвер* (*Hector Wittwer*), по-прежнему остаётся довольно мизерным. *Виттвер* называет нам всего лишь две, вышедших в немецкоязычной среде с 1960-х гг., книги, не упоминая при этом своего собственного труда о смерти²⁰. Эту негативную ситуацию не удалось переломить и проектным исследовательским группам. Примером последних служит, финансируемый «фольксваген-фондом», пятилетний проект (2008–2012) немецких специалистов «Смерть и мёртвое тело» («Tod und toter Körper») ²¹. Но с помощью ограниченных во времени проектов действительно невозможно познать такое сложное явление, как феномен смерти, исследование которого требует комплексных, целенаправленных, длительных и скоординированных усилий самых различных дисциплин.

Существенный недостаток научного анализа смерти заключается в том, что наука, как правило, лишена чувств и эмоций. Потому она не в состоянии воспринимать и описывать смерть из эмоциональной перспективы. Человек же, воспринимая чужую смерть, переживает целую гамму

---

²⁰ Choron, Jacques. *Der Tod im abendländischen Denken*. Stuttgart: Ernst Klett Verlag 1967. Scherer, Georg. *Das Problem des Todes in der Philosophie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1979. Один из трудов принадлежит самому Хектору Виттверу: Wittwer, Hector. *Philosophie des Todes*. Stuttgart. Reclam 2009.

²¹ <http://portal.volkswagenstiftung.de/search/projectDetails.do?ref=83211>

чувств, которые непосредственно влияют на его представления о ней. Поэтому было бы большой ошибкой игнорировать влияние человеческих чувств и эмоций на процессы познания смерти. Тем более, что чувства и эмоции являются важными познавательными инструментами человека, что нам убедительно демонстрируют литература и искусство.

2.3. Тема смерти в искусстве и литературе

Широкое отражение тема смерти получила в изобразительном искусстве. Человек стал изображать смерть визуально на самых ранних этапах своей истории. Эта тема была представлена уже в наскальной живописи первобытного человека (напр., сцены охоты). Своё дальнейшее развитие она получила в изображениях погребальных сцен древнейших культур, среди которых особо выделяется древнеегипетская культура. Традицию интерпретации смерти с помощью изобразительных средств продолжили античные культуры, от которых до нас дошли многочисленные фрески, изображения на керамике, а также скульптуры, в основе которых лежали, как правило, мифологические образы смерти.

С возникновением и распространением христианства мифологические образы смерти сменились иллюстрациями распятого или умирающего Христа. Вначале это были настенные или скульптурные изображения, которые устанавливались в церквях, монастырях и молитвенных домах. Позже смерть Христа стала изображаться на гравюрах и полотнах. К сожалению, не представляется возможным назвать здесь даже и незначительную часть работ на эту тему и их авторов, но я всё-таки упомяну некоторых из них. К теме распятого Христа обратились такие художники, как испанец гре-

ческого происхождения *Эль Греко*, голландец *Ганс Мемлинг*, немец *Альбрехт Дюрер*, итальянцы *Аннибале Карраччи* и *Андреа Мантенья*, француз *Никола Пуссен* (ит. *Никколо Пуссина*), русский художник *Николай Ге*, а также сотни других специалистов искусства и культуры.

Необходимо заметить, что средневековая традиция смерти не ограничивалась одним только изображением распятого Христа, а включала в себя также светские мотивы. Достаточно вспомнить здесь широко распространившиеся в Западной Европе в XIV–XVI вв. иконографические сюжеты на тему «Пляска смерти», которые изображали танцы скелетов с новопреставленными. Одним из известнейших сюжетов на эту тему является Любекский фриз «Пляска смерти» (нем. «Lübecker Totentanz»), украшавший долгое время церковь Святой Марии (Marienkirche) в Любеке. Создан он был около 1463 года, как предполагается, *Бернтом Нотке*. В 1701 году сильно повреждённый временем оригинал был заменён копией из холста, который был безвозвратно разрушен военной бомбардировкой 1942 года²². Этот, более не существующий, фриз тянулся по всему помещению церкви непрерывной полосой около 30 метров в длину и 2 метров в высоту, изображая в натуральную величину цепочку ведомых смертью двенадцати пар горожан, которые принадлежали самым

---

²² В церкви «Святого Николая» (Нигулисте) в Таллине сохранился начальный фрагмент этой работы Бернта Нотке, который получил название «Таллинской пляски смерти».

различным социальным слоям. На нём можно было увидеть и папу римского, и короля, и графа, и горожанина, и крестьянина, и ремесленника, и торговца, т. е. представителей, практически, всех слоев населения тогдашнего общества. Главная цель работ на тему «Пляска смерти» заключалась в том, чтобы подчеркнуть абсолютное равенство всех людей перед смертью, напомнив им, что «прах всех равняет, неравными родимся, равными умираем» («aequat omnes cinis, impares nascimur, pares morimur»). Работы на тему «Пляска смерти» напоминали человеку не только о его преходящести, а они также подчёркивали его первосущность, которую не могла разрушить и сама смерть.

В XVIII и XIX вв. большую популярность стали приобретать картины из серии «Портреты на смертном одре», на которых изображались умирающие или только что умершие великие личности. Примерами таких работ в России являются картины, изображающие смерть императора *Петра I* (*Иван Никитин*), писателей *А. С. Пушкина* (*Аполлон Мокрицкий*), *Н. А. Некрасова* (*Иван Крамской*) и *И. С. Тургенева* (*Э. К. Лунгарт*). С XIX столетия на картинах русских художников стала изображаться также смерть простого человека. Этой тематике были посвящены, например, работы известного русского художника *Василия Перова* – «Сцена на могиле», «Проводы покойника» или же «Утопленница».

Тема смерти продолжает играть существенную роль и в современной живописи. Из необозримого количества работ

на эту тему я назову здесь литографию на тему «Смерть» немецкой художницы *Кете Кольвиц (Käthe Kollwitz)*, графическое собрание «Человек и смерть» немецкого литографа и художника *Андреаса Пауля Вебера (Andreas Paul Weber)*, цикл графических работ «Пляски смерти» бельгийского художника *Франса Мазереля (Frans Masereel)* или же серию масок мёртвых австрийского художника *Арнульфа Райнера (Arnulf Rainer)*.

Надо сказать, что тема смерти нашла своё отражение не только в живописном, но и музыкальном искусстве, источники которого, без всякого сомнения, лежат в традиции древних плакальщиц, которых были изображены уже и на древне-египетских фресках. Именно в искусстве плакальщиц берет свое начало музыкальная традиция смерти, нашедшая своё продолжение в религиозной музыке, где родился такой жанр как, сопровождающаяся траурным пением и молитвами заупокойная месса, реквием. Ещё в начале XVIII столетия чешским композитором *Яном Дисмасом Зеленка (чеш. Jan Dismas Zelenka)* был создан целый ряд реквиемов для католической мессы. Но уже к тому времени реквием практически эмансипировал себя от церковной музыки, приняв статус самостоятельного музыкального жанра. С XVIII столетия словом «реквием» стала обозначаться также траурная оратория (сочинение для хора, солистов и оркестра), которая исполнялась в концертных залах. Многие известнейшие композиторы стремились создать свои версии реквиема. Наибо-

лее известными из них являются версии реквиема *Михаэля Гайдна* и *Вольфганга Амадея Моцарта* (австр.), *Антонио Сальери* (ит. / австр.), *Йоганна Брамса* (нем.), *Джузеппе Верди* (ит.), а также *Антонина Дворжака* (чеш.), *Гектора Берлиоза* и *Камиля Сен-Санса* (фр.), в России *Игоря Стравинского*, *Альфреда Шнитке* и *Эдисона Денисова*. Кроме жанра «реквием» тема смерти нашла своё отражение также в симфониях, сюитах или же песнях смерти. В качестве примера можно здесь назвать произведения из истории русской музыки – «Песни и пляски смерти» *Модеста Петровича Мусоргского*, а также созданную под их впечатлением «Четырнадцатую симфонию» *Дмитрия Дмитриевича Шостаковича* или же симфоническую поэму *Сергея Васильевича Рахманинова* «Остров мёртвых».

Преимущество музыкальной интерпретации смерти лежит в том, что она, в отличие от всех других её интерпретаций, доступна для понимания, практически, любому человеку. Ведь даже абсолютно лишённый музыкального слуха человек в состоянии различить «Похоронный марш» *Фредерика Шопена* от его мелодии «Весенний вальс». Музыка «говорит» на понятном для всех людей языке и вызывает у всех людей, как правило, идентичные чувства и эмоции. Впрочем, это касается также и произведений живописного искусства. Намного сложнее дело обстоит, однако, с литературой, которая, если она написана на чужом языке, доступна человеку лишь в переводе.

Я не мог обойти здесь вниманием литературную традицию смерти, которая оказала сильнейшее влияние на жизнь человека, существенно определив как его восприятие, так и его понимание смерти, в чём мы позже убедимся, анализируя песни и стихи *Максима Горького* о героической смерти. Кроме работ *Горького* мы обратимся также и к повести *Льва Толстого* «Смерть Ивана Ильича». Здесь можно было бы также назвать сотни и сотни самых различных литературных трудов, которые в какой-то степени затрагивали тему смерти, но подобная попытка превратит нашу работу в бесконечный список произведений о ней. Специфическое качество литературной интерпретации смерти заключается в том, что она в состоянии ярко и эмоционально описать пережитые человеком критические, кризисные и трагичные, одним словом, «предсмертные» фазы. Никакой историк не в состоянии с такой эмоциональностью и достоверностью описать и передать царившую в России весной 1918 года общественную атмосферу, как это удалось сделать русскому писателю *Ивану Бунину*, который сравнивает свою охваченную революцией Родину с... «домом покойника»:

«Случилась великая смерть и дом был теперь растворен, раскрыт настежь и полон несметной праздной толпой, для которой уже не стало ничего святого и запретного ни в каком из его покоев. И среди этой толпы носились наследники покойника, шальные от забот, распоряжений, которых, однако, никто не

слушал. Толпа шаталась из покоя в покой, из комнаты в комнату, ни на минуту не переставая грызть и жевать подсолнухи, пока еще только поглядывая, до поры до времени помалкивая. А наследники носились и без умолку говорили, всячески к ней подлаживались, уверяли ее и самих себя, что это именно она, державная толпа, навсегда разбила «оковы» в своем «священном гневе», и все старались внушить и себе и ей, что на самом-то деле они ничуть не наследники, а так только – временные распорядители, будто бы ею же самой на то уполномоченные»²³.

Праздная толпа, грызя подсолнухи и шатаясь из комнаты в комнату, пока ещё только присматривалась к его покоям, которые в скором времени будут завалены трупами миллионов людей. В июле 1918 года будет расстреляна царская семья, в стране развернётся кровавая Гражданская война, за которой последует затянувшийся на десятилетия «красный террор». *Бунин* всего этого пока ещё не знает, но он уже предчувствует приближение великой беды: «Весна, пасхальные колокола звали к чувствам радостным, воскресным, но зияла в мире необъятная могила. Смерть была в этой весне, последнее целование...»²⁴ Такая же «необъятная могила» развернулась в сентябре 1940 год перед глазами другого мыслителя – *Вальтера Беньямина*, который вынужден был по-

---

²³ Бунин И. А. Окаянные дни (сборник). Запись «Ночь на 24 апреля». М.: Молодая гвардия, 1991.

²⁴ Бунин И. А. Окаянные дни (сборник). Запись «Ночь на 24 апреля».

кончить свою жизнь самоубийством. В последний год своей жизни *Беньямину* удаётся сделать наброски своих знаменитых тезисов «О понятии история»²⁵, в которых тема смерти играет исключительно важную роль.

Это звучит парадоксально, но, хотя смерть, по своей сути, есть *не-существование*, напоминать о себе она может только в момент *существования*. Это означает, что также смерть принципиально зависима от *существования*, только во время которого она может «напоминать» и «заявлять» о себе. Когда мы говорим о «напоминаниях» смерти, мы, как правило, имеем в виду акт прощания с умершим. Надо сказать, что этот акт преследует две друг другу принципиально противоречащие цели: с одной стороны, прощание с умершим преследует цель устранения останков умершего, с другой, этот акт является попыткой сохранить вечную память о нём. Две эти, друг другу явно противоречащие, цели своеобразным образом переплелись в одном и том же акте – акте захоронения, что очень точно отразил русский язык. Старославянское «хранити» означает как прятать / скрывать, так и сохранять / уберечь. Замечу, что в немецком языке момент «сохранения» или «вечного хранения» в слове «похоронить» (нем. *begraben, bestatten, beerdigen, beisetzen*) не

---

²⁵ Об этом пишет Вольфрам Айленбергер в своей книге «Время чародея. Великое десятилетие философии 1919–1929»: Eilenberger, Wolfram: *Zeit der Zauberer. Das große Jahrzehnt der Philosophie 1919–1929*; Verlag Klett-Cotta, Stuttgart 2018. В своей книге он описывает жизнь и творчество не только Беньямина, но и Хайдеггера, Виттгенштейна, Кассирера.

проявляет себя с такой чёткостью, с какой он проявляет себя в русском языке. В немецком языке акценты ставятся, скорее, на устранение останков умершего. Подобные лингвистические вариации подчёркивают культурные особенности в восприятии феномена смерти.

Язык, однако, не только разделяет, но и объединяет людей, что убедительно доказывают созданные ещё древними культурами мифы о смерти, которые остаются понятными и доступными и современному человеку. Более того, мифологическую интерпретацию смерти, разумеется, в её модернизированной форме, до сих пор акцептирует значительная часть человечества, которая верит в «жизнь после смерти» или же в «воскрешение умерших» и «переселение души».

Несмотря на то что слово «мифологический» несёт в себе негативный оттенок, ибо ассоциируется с фантастическим, нереальным и выдуманным, я употребляю его здесь исключительно в позитивном смысле, учитывая тот бесспорный факт, что мифология сыграла очень важную роль в процессе познания такого сложного феномена как «смерть». Ведь именно мифологии удалось впервые *антропологизировать* и *конкретизировать* смерть, сделав её объяснимым, доступным и понятным явлением. Поэтому для нас очень важно обратиться к анализу мифологической интерпретации смерти, которая внесла значительный вклад в её понимание и осознание.

«Таллиннская пляска смерти» церкви Святого Николая в Таллине – изображение XV века из серии т. н. «Плясок смерти»

Мифологические образы смерти

Ни в какой другой культуре культ смерти не получил такого всестороннего развития, которое он получил в *древнеегипетской цивилизации*, примеры из истории, которой я уже приводил. Но теперь я непосредственно обращаюсь к анализу древнеегипетской культуры смерти. Историю развития культа смерти в Древнем Египте отразил такой важный источник как «Книга мёртвых», которую точнее было бы назвать «Книгой Воскресения», потому что её заголовок в переводе звучит как «Главы о выходе к свету дня». Большинство экземпляров «Книги мёртвых» были найдены в захоронениях жрецов. Эта книга представляла собой собранные в течение тысячелетий, написанные на папирусе и украшенные рисунками заупокойные тексты, гимны, заклинания и молитвы. Центральную роль в ней, однако, играли мифологические образы и особенно образ бога загробного мира Осириса, который был судьёй над душами усопших. Нам никак не обойтись без анализа этого оригинального мифологического образа.

Осирис был старшим сыном бога земли Геба и богини неба Нут. В представлении египтян он сыграл чрезвычайно важную роль в человеческой истории. Его исключительная

заслуга заключалась в том, что он цивилизовал людей, научив их земледелию и виноделию, а также отучив их от каннибализма. За это люди были ему очень благодарны. Но уважение людей к Осирису вызвало зависть его брата Сета, который убил Осириса и, разрубив его тело на части, рассеял их по миру. Эти, раскиданные по свету, части тела Осириса нашла и собрала его жена и сестра Исида. Бог смерти Анубис соединил их друг с другом и забальзамировал. Позже Исида, превратившись в сокола, забеременела от мёртвого Осириса и родила ему сына Гору, который изображался египтянами в образе человека с головой сокола. Гору удалось победить Сета и воскресить Осириса. Победа Гора над Сетом стала символом победы жизнью над смертью, а также победой добра над злом. После своего воскрешения Осирис решил остаться владыкой «царства мёртвых», предоставив Гору возможность управлять «царством живых». Таким образом человеческий мир распался на две противоположенные сферы – «царство мёртвых» и «царство живых», точкой раздела которых стала человеческая смерть. Я особо подчеркну тот факт, что два этих царства разделяла друг от друга не географическая, а событийная граница, которой являлась смерть человека. Подобная «граница» могла возникнуть только на уровне абстрактного мышления, которое позволило человеку открыть *потустороннее* или *трансцендентное* существование, символом которого и являлось «царство мёртвых». Однако этим влияние мифологической идеи смерти на жизнь древ-

неегипетского общества, конечно, не ограничивалось, ибо эта идея повлияла на развитие не только духовной, но и социально-экономической сферы человека, что само по себе является уникальным фактом. Ведь речь здесь идёт о влиянии «идеального на материальное». На этом пункте я останавлиюсь подробнее.

История Древнего Египта наглядно демонстрирует нам, каким образом абстрактная, в прямом смысле слова, «мифическая» идея в состоянии оказать вполне реальное влияние как на экономическое, так и социальное развитие общества. Подобное влияние идей на реальную жизнь человека испытало на себе, кроме древнеегипетского, возможно, ещё и коммунистическое общество, которое, однако, тему смерти, за исключением «героической смерти», замалчивало и игнорировало. А вот в древнеегипетском обществе тема смерти играла очень важную роль, о чём свидетельствует идея «царства мёртвых», которая инициировала людей к целенаправленным действиям, причём не только в ритуальной и религиозной сфере, но и в сфере экономики (ремесла, торговли, архитектуры), а также культуры и искусства.

В этом случае мы наблюдаем, с одной стороны, для похоронной отрасли типичное смешение коммерции и идеализма, на которую в своё время указал французский историк *Филипп Арьес*²⁶. С другой стороны, мы фиксируем здесь не просто «смешение» коммерции и идеализма, а прямое, ре-

---

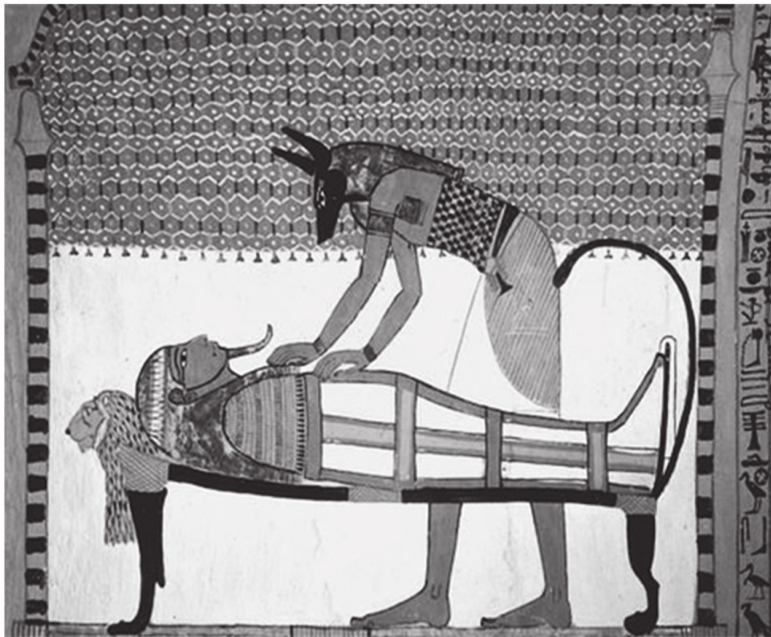
²⁶ Ariès, Ph. Studien zur Geschichte des Todes im Abendland. S. 65.

альное и непосредственное влияние мифологических идей как на экономическую, так и культурную жизнь общества, или же, коротко говоря, влияние «идеального на материальное», которое ставит под вопрос непогрешимость знаменитой марксовской цитаты о том, что «бытие определяет сознание». В древнеегипетском обществе дело происходило, скорее, наоборот – в нём мифологическое сознание существенно определяло как социально-экономическую, так и духовную жизнь общества. Но в чём, конкретно, это влияние себя проявляло?

На базе растущей общественной потребности длительного сохранения тел умерших в Древнем Египте возникла особая группа специалистов, задача которой заключалась в профессиональной организации процесса мумифицирования умерших. Владение этим искусством требовало разносторонних знаний и умений, а также определённого опыта и квалификации, без которых акт бальзамирования был бы просто невозможен. Но в основе этого акта лежала ведь мифологическая идея «жизни после смерти», которая и служила его главной мотивационной и легитимационной силой. Кроме того, идея «жизни после смерти» наполнила как существование человека, так и его действия конкретным смыслом. Без веры в загробную жизнь мумифицировать тела мёртвых было бы, по меньшей мере, бессмысленно. Тем более, что акт бальзамирования никакой экономической выгоды древнеегипетскому обществу не приносил: он не уве-

личивал его прибавочный продукт, не делал его более богатым, а имел, скорее, чисто символический характер. И тем не менее искусство бальзамирования мёртвых дало толчок развитию не только ремесла и торговли, но также культуры и искусства. Похороны, особенно похороны знатных лиц, требовали колоссальной и многолетней подготовки, которая включала в себя действия различного характера – планирование, строительство и украшение грандиозных погребальных сооружений, профессиональную организацию похоронного акта в соответствии с традициями, ритуалами и верованиями древнеегипетского общества, а также долговременное сохранение памяти об умершем. В этом, требующем чёткой организации общественного труда, «похоронном процессе» участвовали самые различные группы профессионалов – архитекторы и строители, мореплаватели и торговцы, специалисты по мумифицированию и бальзамированию умерших тел, специалисты по изготовливанию саркофагов, люди искусства и культуры, а также жрецы и плакальщицы. Все эти высокоспециализированные группы вынуждены были тесно взаимодействовать друг с другом, выполняя в рамках грандиозного погребального проекта предписанные им задачи, причём выполнять их в строгой последовательности, ибо расписывать помещения пирамид можно было только после того, как они были построены; хоронить тело умершего разрешалось после того, как оно было мумифицировано и т. д. Кроме того, строительство грандиозных пира-

мид требовало наличия архитектурных знаний, квалифицированных строителей, развитой строительной техники, чёткой организации труда и вместе с ней разветвлённой транспортной системы. Таким образом в древнеегипетском обществе возникли взаимосвязанные производительные структуры, которые требовали целенаправленных и скоординированных коллективных действий. Но свою идейную легитимацию и свой высший смысл эти коллективные действия нашли в мифологических идеях. Все вышеописанные действия профессиональных групп, как бы они не отличались друг от друга, преследовали одну общую цель – подготовить «переселение» умершего в «царство мёртвых». Идея загробной жизни, таким образом, оказала мощное влияние на развитие древнеегипетского ремесла и торговли, архитектуры и искусства. Многочисленные примеры подобного влияния идей на экономическую и социальную жизнь общества мы будем постоянно фиксировать на протяжении всей человеческой истории, однако, впервые эта взаимосвязь между «идеями» и «производством», а также между «материальным и идеальным» в такой масштабной форме проявила себя именно в истории в древнеегипетского общества.

Анубис мумифицирует Осириса. Фреска из гробницы Сенеджема в Фивах (Новое Царство, 19 династия)

С мировоззренческой или же философской точки зрения идея мумифицирования мёртвых, как считает *Филипп Арьес*, являлась ничем иным как отказом признать право смерти на полное уничтожение человека, его попыткой стать независимым от смерти²⁷.

По существу, акт бальзамирования преследовал только

²⁷ Ariès, Ph. Studien zur Geschichte des Todes im Abendland. S. 65.

одну цель – продлить присутствие умершего. Но, продлевая присутствие умершего человека, этот акт самым радикальным образом менял саму суть похоронной процедуры, которая в случае с мумифицированным телом перестала быть актом «прощания», а стала, скорее, актом (очередного) свидания с умершим, считает *Аръес*, ибо материальное присутствие мумии превратило акт прощания с умершим в очередной визит к нему²⁸. *Ян Ассман (Jan Assmann)*, в свою очередь, указывает в этой связи на такой интересный момент, что древнеегипетские захоронения имели как тайный подземный ход в помещение, где находилась мумия, так и открытый поверхностный вход в культовое помещение, которое было предназначено для приношения даров и жертвоприношений²⁹. Подобное деление культовых помещений на сферу, скрытую от человеческих глаз, а также сферу, доступную для людей, характерно, в принципе, для всех погребений, которые, как и любой «след», «скрывая показывают»³⁰.

Именно материальное присутствие «следа», а мумия является ничем иным как «следом» или «остатком» прошлой жизни, делает возможным презентацию прошлого. Без материальной презентации следа, как считает немецкий специа-

---

²⁸ Там же.

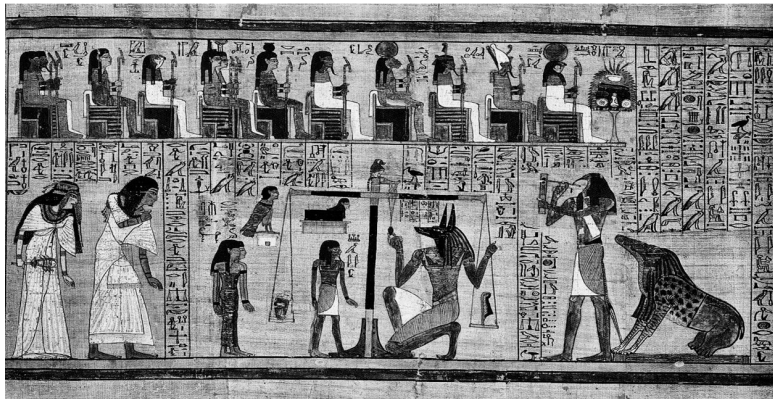
²⁹ Assmann, Jan: *Tod und Jenseits im alten Ägypten* (2001), Sonderausgabe München 2003. S. 248.

³⁰ Фраза «показывая скрывают» принадлежит Полю Рикёру, который таким образом указывает на существенное качество следа – его способность «показывая, скрывать».

лист Сибилле Кремер (Sybille Krämer), здесь не было бы и следа³¹. Однако видимая часть следа не делает ещё его «следом». В «остаток прошлого» след превращает не столько его материальная (видимая) часть, сколько человеческая мысль, которая позволяет человеку «увидеть» (реконструировать, представить себе) и невидимую часть следа. Также могилы и захоронения, без всякого сомнения, являются, хотя и специфическими, но «следами прошлого», которые «показывая скрывают». Как и любые другие следы, могилы и захоронения материально присутствуют в настоящем, но при этом презентуют прошлое. Акт мумифицирования, по сути, является попыткой «материализовать» и таким образом «обудуществовать» прошлое. Но не только. В акте мумифицирования проявляет себя стремление человека установить связь с потусторонним или трансцендентным миром.

---

³¹ Эту тему Сибилле Кремер исследует в своей статье «Что такое след?»: Krämer, Sybille. Was also ist eine Spur? Und worin besteht ihre epistemologische Rolle? Eine Bestandsaufnahme. In: Spur. Spurenlesen als Orientierungstechnik und Wissenskunst. Hg. v. Krämer, S. / Kogge, W. / Grube, G. Frankfurt am Main 2007. S. 14–18.

Сцена из древнеегипетской «Книги мёртвых»

Для древних египтян потусторонний мир идентифицировался прежде всего с «царством мёртвых», к которому прямое отношение имел бог смерти Анубис. Он был внебрачным ребёнком Осириса, которого сумела совратить Нефтида – жена Сета и сестра Осириса. Родив Анубиса, Нефтида испугалась возмездия своего мужа Сета и бросила младенца в камыши, где он был найден Исидой, которая его и вырастила. Анубис был довольно противоречивой натурой, ибо он отвечал, как за вечное хранение (бальзамирование), так и за уничтожение останков умерших, символом которого являлась голова шакала. В действительности противоречивым являлся не столько образ Анубиса, сколько само древнеегипетское общество, которое по-разному относилось к своим умершим. Его отношение к умершему зависело, как прави-

ло, от того социального статуса, который умерший имел при жизни. Тот факт, что тело умершего подвергалось мумифицированию, сам по себе уже свидетельствовал об большом уважении по отношению к нему. Подобного отношения к себе в древнеегипетском обществе удостаивались, разумеется, далеко не все умершие. Так, например, останки бедных людей, рабов или пленных хоронились очень скромно или даже бросались на поедание диким зверям (отсюда и голова шакала у Анубиса). Древнеегипетское общество относилось к своим умершим по-разному. Но и наше современное общество, строя роскошные мавзолеи для одних и хороня в безымянных могилах других, относилось и относится по-разному к своим умершим. К мёртвым люди, в принципе, относятся точно также, как они относились бы к ним, если бы те остались живыми. Сам по себе факт смерти не меняет отношения к человеку. В наше время до сих пор ставится вопрос, а почему «памятники фашистам появляются рядом с мемориалами их жертвам»?³² «Рядом» в этом случае означает, что памятники «победителей» и «побеждённых» или «врагов» недостаточно удалены друг от друга. Можно спорить о том, на какой дистанции должны хорониться в отдалении друг от друга советские солдаты и солдаты вермахта, но одно остаётся вне всяких сомнений – и те, и другие являлись участниками одних и тех же событий, принадлежали одному и тому же прошлому и были связаны единой судьбой или войной,

---

³² Подробнее см.: URL: <http://www.aif.ru/society/history/11787>

которая делает контакт с противником неизбежным. Я вспоминаю здесь описанный ветераном войны *Николаем Никулиным* эпизод, в котором он изображает увиденную им страшную сцену замёрзших в смертельной схватке трупов советских и немецких солдат. К анализу этого эпизода я вернусь позже, а сейчас я хотел бы указать на тот факт, что невозможно собрать и захоронить останки солдат вермахта на какой-то другой планете, кроме нашей. И даже если это вдруг окажется возможным, то образ врага всё равно будет необходим победителю, который для того, чтобы показать, что он победитель, вынужден рассказывать о том, «кого» он победил.

Но вернёмся к древним культурам, в которых отношение к мёртвым определялось прежде всего мифологическим сознанием³³. Древний Египет не был в этом случае исключением. Но и в Древней Греции, а также в Древнем Риме отношение людей к смерти определялось прежде всего мифами и религиозными верованиями. Исключительная заслуга древнегреческой мифологии заключается в том, что ей удалось открыть и описать очень важные качества смерти, которые в древнеегипетской мифологии по каким-либо причи-

---

³³ См. литературу о мифах Древнего Египта: Jan Assmann. *Tod und Jenseits im Alten Ägypten. Sonderausgabe* // Beck, München 2003; Richard H. Wilkinson. *Die Welt der Götter im Alten Ägypten. Glaube, Macht, Mythologie* // Theiss, Stuttgart 2003; Veronica Ions. *Egyptian mythology*. 1st edition, Hamlyn, London 1968 // Коростовцев М. А. *Религия древнего Египта*. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1976.

нам не оказались на первом плане. Напомню читателю, что в древнегреческой культуре существовал образ бога смерти – *Танатоса* (от др.-греч. «смерть»), имя которого известно любому исследователю смерти. Ведь от этого слова происходит широко известный термин «танатология» (θάνατος – смерть и λόγος – учение), который сегодня обозначает междисциплинарную область исследований о смерти, в которых участвуют самые различные науки – философия, антропология, культурология, этнография, история, археология, психология, биология и медицина.

Древние греки изображали Танатоса в образе юноши с железным сердцем и погашенным факелом. Потухший факел в руках Танатоса являлся символом бездыханного тела, в котором огонь жизни угас навсегда. Железное сердце демонстрировало железную бескомпромиссность Танатоса, который никогда и ни при каких условиях не принимал никаких даров. А ведь способность давать и брать дары была очень важна для древних греков. Танатос, однако, этим качеством не обладал. Однако нелюбовь к дарам являлась не только индивидуальной чертой Танатоса, но и существенным качеством смерти, которая никому и ни при каких условиях не позволяла себя подкупить. Подобным – «бесчеловечным» – качеством могла обладать одна только смерть.

Братом Танатоса был Гипнос – бог сна. Уже древние греки открыли тесную взаимосвязь между состоянием сна и состоянием смерти. Этот факт вызвал позже большой интерес

у такого выдающегося немецкого мыслителя как *Артур Шопенгауэр*, который увидел в смерти такое состояние, которое, несомненно, очень близко состоянию сна, ибо «погружение в сон является ежедневной смертью, а пробуждение – рождением» («So ist denn endlich auch das Einschlafen ein täglicher Tod und jedes Erwachen eine neue Geburt»³⁴), утверждал *Шопенгауэр*, указывая на то, что «смерть – это такой сон, в котором индивидуальность оказывается забытой» («Der Tod ist ein Schlaf, in welchem Individualitätätät vergessen wird»)³⁵. К концепции смерти *Шопенгауэра* мы, однако, вернёмся позже.

Богом подземного царства у древних греков являлся Аид, который разделил свою власть с Зевсом и Посейдоном. Аид обладал одной чудодейственной способностью – он мог становиться невидимым. Также эта способность является существенной чертой смерти, которая принципиально не даёт человеку себя «увидеть», не позволяет ему себя познать, о чём в своей книге пишет *Янкелевич*.

Исключительная заслуга древнегреческой мифологии в развитие культуры смерти заключается в том, что она открыла в феномене смерти такие существенные черты, как необратимость, неподкупность, невидимость и непознаваемость, а древнеримская культура добавила к ним ещё и такое важ-

---

³⁴ Schopenhauer, Arthur. Über den Tod. Gedanken und Einsichten über letzte Dinge. Hg. von Ernst Ziegler. München 2010 S. 79.

³⁵ Schopenhauer, Arthur. Über den Tod. A.a.O. S. 800

ное качество, как зловещая гостеприимность. Хотя древнеримский правитель подземного царства мёртвых Плутон и считался очень гостеприимным богом, однако, его гостеприимность была коварной, ибо Плутон никогда не отпускал своих гостей обратно. Врата его подземного царства были широко открыты всем, но тот, кто попадал в его царство, уже никогда не мог выбраться из него³⁶.

Подводя итоги нашему короткому анализу мифологических образов смерти, замечу, что мифологии удалось глубоко проникнуть в суть такого сложного феномена как смерть. Мы можем сравнить мифологию с драгоценным камнем, который долгое время пролежал в глубинах земли. По этой причине он несколько поблек и утеряти свой первоначальный блеск. Но стоит нам только взять его в руки, отшлифовать и обработать, как он снова засияет всеми своими гранями. Именно такой обработкой «мифологического камня» мы с вами и занялись. А теперь я назову те «границы» мифологического камня, которые и сегодня бросают свой яркий свет на такой мрачный и ужасный феномен, каковым является человеческая смерть.

В восприятии древних смерть не отождествлялась с *несуществованием*, она также не являлась абсолютным кон-

---

³⁶ Литература об античной мифологии: Wilhelm Heinrich Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. 6 Bde. Teubner, Stuttgart 1886–1937; Jan N. Bremmer (Hrsg.). Interpretations of Greek Mythology. London 1988; Fritz Graf. Griechische Mythologie. Düsseldorf 2001; Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Киев: СИНО, 1993.

цом жизни или же бесследным исчезновением умершего в бездне небытия, а была лишь формой *другой* – потусторонней – жизни в «царстве мёртвых», которое к тому же имело множество параллелей с «земным царством». Ведь в «царстве мёртвых» действовали те же самые законы и господствовали те же самые нравственные представления, что и в «царстве живых». Как в «царстве мёртвых», так и в «царстве живых» имелись свои правители, своя иерархия власти, свои исполнители и функционеры. Однако «царство мёртвых» являлось прежде всего местом загробной жизни, в которой умерший неизбежно оказывался перед «высшим судом». Вспомним здесь древнеегипетскую «Книгу мёртвых», в 25 главе которой описывается посмертный суд Осириса над умершим. Перед глазами Осириса его помощники взвешивают на весах сердце умершего, чтобы узнать, вёл ли он на земле жизнь грешную или праведную. В мифологическом сознании, таким образом, смерть приобрела характер нравственной или оценочной категории, которая определяла статус дальнейшего существования человека в «царстве мёртвых». Эта функция смерти получила своё дальнейшее развитие в мировых религиях.

Но уже в мифологии смерть являлась таким поворотным пунктом, за которым кончалась человеческая свобода, но не кончалась ответственность человека за совершённые им при жизни действия и поступки. И, хотя умерший и лишался возможности что-либо исправить или поправить в своей про-

шлой жизни, он тем не менее сохранял личную ответственность за совершённые им деяния.

Уже в мифологии понятие «ответственность» приобрело характер *вневременной* категории, которая сохраняла своё значение и после смерти человека, ибо факт смерти не мог служить оправданием совершённых им при жизни безнравственных действий и поступков. «Ответственность» стала *вневременным*, а потому и *категорическим* принципом, в основе которого лежали не эмпирические, а «чистые» предпосылки. Возможно, что отсюда берёт своё начало традиция *трансцендентального*, т. е. свободного от каких-либо эмпирических примесей, принципа обоснования этических норм и законов, который лежит в основе, например, кантовской практической философии. Можно, конечно, спорить о влиянии мифологического знания на кантовскую философию, но нельзя отрицать исключительно большого влияния мифологии на процессы человеческого познания мира как таковые.

(1) Мифологическое знание являлось цельным и универсальным знанием, которое положило начало не только развитию религии, но и развитию литературы, истории, философии. Эту целостность оно не в последнюю очередь приобрело, благодаря идее смерти, которая заставила человека поставить вопрос не только о конце, но и начале своей жизни, а также вопрос о смысле человеческого бытия. Мифологическое сознание не могло допустить того, чтобы человек, бесследно исчезая в бездне не-бытия, превращался в «ничто».

Подобного конца человеческой жизни мифология никак не предусматривала. По этой причине в мифологическом представлении смерть не являлась абсолютным концом человеческой жизни, а она была лишь формой перехода в *другое* – *потустороннее* – существование, символом которого являлось «царство мертвых». Именно в этом представлении о «другом» или «потустороннем» существовании лежат истоки *трансцендентного* мышления.

(2) Рождённая мифологией, традиция противостояния «двух царств» нашла своё продолжение в мировых религиях, в которых, однако, нравственный элемент стал проявлять себя намного чётче, чем в мифологии. Так, например, христианское «царство мёртвых» раскололось в морально-этическом отношении на две совершенно противоположенные сферы – рай и ад, которые непримиримо противостояли друг другу, но и не могли существовать друг без друга. В то же время мифологическое понимание свободы было более широким, вольным и в какой-то степени даже анархичным, чем её религиозное понимание. Кроме того, в мифологическом сознании действия людей и богов ещё не были строго отделены друг от друга.

(3) Важный вклад мифологии заключался в том, что ей удалось *конкретизировать* и *антропологизировать* смерть. Благодаря мифологии, смерть приобрела конкретные качества и приняла яркие образы, т. е. перестала быть недифференцируемым понятием. Мифологические образы смерти, надо

признать, являются настолько доступными и понятными для людей, что они и сейчас охотно используются современным человеком, который не в состоянии добавить к ним какие-то новые штрихи или черты. Это парадокс! Человек в состоянии развить дальше математические, технические или исторические знания, но он не в состоянии «развить дальше» те мифологические образы, которые достались ему от прошлого. Потому что любая попытка «дальнейшего развития» мифологических образов неизбежно приведет к их искажению или даже разрушению. Но то же состояние status quo распространяется и на религиозные тексты, которые тоже являются своего рода «образами прошлого». Эти тексты, без всякого сомнения, позволяют себя по-разному излагать и интерпретировать, но не менять, переписывать или дополнять. Религиозные тексты и сегодня существенно определяют представления человека о смерти, о чём свидетельствует история христианства.

Танатос и Гипнос под наблюдением Гермеса уносят Сарпедона (сцена на мотивы древнегреческой мифологии)

4

Религиозная и атеистическая традиция смерти

Читатель, вероятно, удивится тому, что я в одной и той же главе объединил две, казалось, абсолютно несовместимые и противоречащие друг другу духовные традиции смерти – её религиозную и её атеистическую традиции. Эти традиции, без всякого сомнения, базируются на несовместимых взглядах. С другой стороны, смысл своего существования каждая из этих традиций видела и видит в отрицании другой. А это означает, что мы имеем здесь дело не только с конкурирующими, но и взаимосвязанными концепциями, взглядами и убеждениями. И очень жаль, что верующие и атеисты довольно редко организуют общие мероприятия и дискутируют в одной и той же аудитории.

Ключевым пунктом, в котором убеждения верующих и атеистов принципиально расходятся друг с другом, является их отношение к проблеме смерти, ибо религиозные люди верят в «жизнь после смерти», а атеисты – принципиально отрицают как возможность, так и реальность подобной перспективы для человека. Но уже в самом начале своего анализа этих двух друг другу противоречащих концепций смерти я укажу на один важный момент: мой анализ не пресле-

дует цели выяснить, *чьи* воззрения являются в этом случае истинными, а чьи – ложными, ибо я считаю, что по отношению к вере подобную задачу ставить бессмысленно. Свою непосредственную цель я вижу, скорее, в том, чтобы с помощью анализа как религиозной, так и атеистической концепции смерти расширить наши знания о том историческом контексте, в котором эти две традиции, конкурируя друг с другом, развивались и взаимно обогащали друг друга. Тем более, что я отношусь с громадным уважением к обеим традициям, считая, что каждая из них внесла свой значительный вклад в понимание проблемы смерти. По этой причине я призываю как верующих, так и атеистов не замыкаться в рамках «своей» собственной концепции смерти, а обязательно ознакомиться и с противоположенной точкой зрения. Верующему человеку необходимо, считаю я, обратиться к работам немецких философов атеистов – *Людвига Фейербаха* (Ludwig Feuerbach) и *Артура Шопенгауэра* (Arthur Schopenhauer), а убеждённому атеисту – к работам замечательного религиозного мыслителя *Блаженного Аврелия Августина* (*Aurelius Augustinus Hipponensis*, в дальнейшем – *Августин*).

4.1. Смерть в христианской религии

С язычниками можно, конечно, вместе жить, но не умирать (Licet convivere cum Ethnicis, commori non licet).

Тертуллиан

Напомню читателю о том, что в самом начале этого исследования мною были упомянуты самые различные варианты созданными древнейшими культурами «Книги мёртвых». Но не все, однако, знают, что своя собственная «Книга мёртвых» существует и в христианстве. В нём она получила название «Ars moriendi» («Искусство умирать»). Речь идёт о созданных в XV столетии латинских текстах, в которых были отражены представления христиан о благочестивой и праведной смерти. Эти тексты пользовались громадной популярностью у населения, для которого смерть, надо сказать, была вездесущей и актуальной. В своей повседневной жизни средневековый человек постоянно сталкивался со смертью. Он переживал её в междоусобных войнах и столкновениях, болезнях и эпидемиях, публичных казнях, а также в семейной жизни, в которой детская смертность была экстремально высокой. Смерть была вездесуща. Она повсюду сопровождала человека. По этой причине средневековые кладбища и захоронения находились часто в самом центре населённых пунктов, а потому являлись неотъемлемой частью как город-

ской, так и сельской жизни.

Христианин должен был ещё при жизни готовить себя к предстоящей и неизбежной смерти, за которой, однако, в соответствии с христианской религией должен был последовать акт воскрешения. Не случайно христианский символ веры включает в себя следующие слова:

- Чаю воскресения мертвых,
и жизни будущего века. Аминь.
- I believe in the Holy Spirit...
the resurrection of the body,
and life everlasting. Amen (англ.).
- Ich glaube an...
Auferstehung der Toten
und das ewige Leben. Amen (нем.).

Христианское представление о смерти базируется на священных текстах – «Ветхом Завете» и «Новом Завете», которые многократно и в самых различных взаимосвязях обращаются к теме смерти. Читателю священных текстов может показаться, что цитаты и мысли о смерти рассыпаны в них бессистемно. Но, несмотря на кажущийся бессистемный подход к этой теме, Библия, несомненно, имеет свою целостную концепцию смерти, в которой специалисты выделяют следующие центральные пункты: а) человек не всегда был смертен, ибо смерть есть наказание Бога за грехопадение человека; б) человек не в состоянии избежать конца своей зем-

ной жизни, потому что её границы определяются Богом; с) Бог есть прежде всего Бог жизни, а не смерти;

d) смерть и воскресение Христа открыли человеку возможность вечной жизни после смерти. Победив смерть, Христос таким образом примирил человека с Богом. Благодаря Богу, человек может надеяться на вечную жизнь после смерти: «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его» (Еккл. 12:7).

Первые философские интерпретации христианской идеи смерти принадлежат «отцам церкви», к которым относится выше уже нами упомянутый замечательный мыслитель и философ *Августин* (354–430 гг.). Я обращаюсь к некоторым тезисам его концепции смерти, изложенных прежде всего в его труде «О Граде Божиим»³⁷.

4.1.1. Аврелий Августин

Противопоставляя друг другу два града – «град Божий» и «град Человеческий» – *Августин*, надо признать, таким образом в какой-то мере продолжает мифологическую традицию восприятия мира, в которой тоже существовало два царства – «царство живых» и «царство мёртвых». Но между христианской и мифологической концепцией смерти имеется всё-таки одно существенное различие, ибо в представле-

---

³⁷ Августин Блаженный. О Граде Божиим. Творения (Том третий). Книги IXIV. Под ред. С. И. Еремеева. Изд-во: «Алетейя». СПб/Киев, 1998.

нии *Августина* оба вышеназванных царства существуют рядом друг с другом – на земле. Принадлежность к этим царствам зависит для *Августина* не от географических границ или же культурных различий, а определяется одними только *духовными* критериями, важнейшим из которых является отношение человека к материальным ценностям. Именно это отношение определяло принадлежность человека царству Божьему или царству Земному. *Августин*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.